

Е.Э. ДРИЯНСКИЙ

**ЗАПИСКИ
МЕЛКОТРАВЧАТОГО**

Москва
«Книга по Требованию»

—
2015

УДК 796
ББК 75.5
Д74

Д74   Дриянский, Е.Э.
Записки мелкотравчатого / Е.Э. Дриянский, — М.: Книга по Требованию, 2015. — 168 с.

ISBN 978-5-519-49660-5

Егор Эдуардович Дриянский — (5 мая 1812, Копары, Российская империя — 29 декабря 1872, Москва) — украинский и русский писатель.

Дриянскому принадлежат: роман из жизни нарождающейся буржуазии «Туз» (1867), пьеса из провинциального быта «Комедия в комедии» (1855), детектив «Изумруд Сердоликович» (1863), повести «Квартет» (1858), «Амазонка» (1860), автобиографическая повесть «Конфетка» (1863, опубл. в «Современнике») и др. Лучшее его произведение — «Записки мелкотравчатого» (1857) — живописная панорама «отъезжего поля», показывающая охотников-дворян, крестьян, красоту среднерусской природы и поэзию псовой охоты. Первый вариант «Записок» появился в журнале «Москвитянин» № 2 за 1851 год под названием «Мелкотравчатые. Очерк из охотничьей жизни».

УДК 796
ББК 75.5

ISBN 978-5-519-49660-5

© ООО «Книга по Требованию», 2015

Содержание

I	5
Отъезд. — Проказы лешего. — Удачное <i>salto mortale</i> . — Картина noctлега охотников. — Бацов и Петрунчик. — Мелкотравчатые. — Котловина. — Гоньба. — Волк и Чaus. — Клинское. — Обед. — Савелий и Красотка.	
II	26
Спор. — Тамбовская идиллия. — Подозренный. — Карай и Азарной. — Травля. — Явление из болота. — Застава из благородного материала. — Плен. — Новооткрытый способ продовольствовать армию. — Ганька и Мотрюха. — Новый инструмент. — Предмет сатисфакции с бабушкой. — Ужин под столом. — Дверь невидимка. — Побег.	
III	45
Мы у Стерлядкина. — Что такое Трутнев? — Тревожная весть. — Братовка. — Алексей Николаевич. — Племя волкодавов. — Разногласица. — Феопен. — Выдержка гончих. — Отъезд в Чурюково	
IV	63
Статья <i>intermedio</i> о том, что такое ловчий, каков он есть, и каким ему быть подобает.	
V	73
Что-то вроде проклятия. — Мордва русская и французская. — Ливрейный картуз и двойник его сиятельства. — Два новые штриха по Владимирицу и Бацову. — Чурюково. — Отзыв волков. — Ловчий и стая. — Травля. — Пирог. — Глухонемой.	
VI	93
Бокино. — Новое знакомство. — Неудачное поле. — Полицтоф в опасности. — Садка. — Травля встречных. — Отъезд.	
VII	101
Мы на пути. — Игра в зевки. — Сныть, то есть страна, текущая млеком и медом. — Степь графини Отакойто. — Грозная весть. — Столб и надпись. — Миловидный дистаночный и зверообразный объездчик. — Феопен как дипломат, или вор у вора дубинку украд. — Представительная личность. — Лестное предложение. — Кое-что о русских глаголах.	

VIII.....	132
Два слова о том, что дороже для псового охотника. — Степь. —	
Сурчины. — Вид острова. — Рассстановка. — Свальная стая. — Новый род	
смерти, изобретенный Фунтиком. — Первое поле.	
IX	142
Езда по сорам. — Травля оборотня. — Перемена квартир. — Могарыч. —	
Учитель-сочинитель. — Занятие, порождающее тоску и дремоту. —	
Опять Синие кусты. — Смерть Фунтика. — Отъезд.	
X	157
Кочевая жизнь. — Крутое. — Зима-весна. — Бугры. — Еще одна хитрость	
лисицы. — Необыкновенные волки. — Крылатые звери. — Отъезд. —	
Бокино. — Производство в чин. — Заключение.	
Примечания.....	164
Библиография произведений Е.Э. Дриянского:	
	166

I

*Отъезд. — Проказы лещего. — Удачное salto mortale. — Картина
ночлега охотников. — Бацов и Петрунчик. — Мелкотравчательные. —
Котловина. — Гоньба. — Волк и Чаус. — Клинское. — Обед. —
Савелий и Красотка.*

«С волками жить — по-волчьи выть», — говорит пословица. Все пословицы я уважаю за тот широкий смысл, который лежит в их основании, а значение последней как нельзя лучше оправдалось на мне самом.

Жил я долго в таком благодатном месте, куда с каждой весной прилетало множество дичи, в просторных полях водилась пропасть зайцев, а в болотах и заводях выплаживался выводками красный зверь¹. Все соседи мои, за редким исключением, были страстные охотники: глядя на них, и я завел своры² две борзых³ и мало-помалу научился выть по-волчьи, следить заячью тропу по порошке и с первой сметки⁴ отличать в жирах⁵ след на логово, добыть лису по нарыску⁶ и прочее, и прочее. Одним словом, в короткое время я, как говорится в комедии, «дошел до степеней известных»⁷, или же, как выражались старые сутяги, стал «в роде своем не последний».

Как все это сделалось, и какими судьбами я превратился из простого смертного в образ мелкотравчатого, разъяснить того не умею. Рассуждая о том иногда сам с собой, я припоминаю те впечатления, которые сопровождали меня в начале моего поприща, и, чтобы не забыть их совсем, записываю в том виде, как представляет их еще не изменившая мне память.

Однажды, сидя в просторном зале за обеденным столом у графа Атукаева, в кругу двадцати человек общих соседей — псовых охотников, я, как страстный ружейник, заспорил горячо о преимуществах ружейника перед борзятником. Двадцать голосов самой жаркой оппозиции не в си-

¹ Красный зверь — то есть наиболее ценный зверь (медведь, волк, лиса, рысь и др.).

² Свора — обычно две борзых или две пары борзых собак на сворке, своре — ремне или бечевке, на которых их водят (от слова «варять» — охранять по Далю).

³ Борзые — одна из древнейших пород охотничьих собак. Отличаются узкой, длинной мордой (шипцом), поджаростью, длинными тонкими ногами и быстротой бега (русские борзые). С борзыми охотятся на зайца, лисицу, волка и др.

⁴ Сметка — скачок зайца в сторону, чтобы скрыть след.

⁵ ...в жирах... — то есть в многочисленных следах, которые проложил зверь, разыскивая пропитание.

⁶ Нарыск — след красного зверя.

⁷ «...дошел до степеней известных...» — неточная цитата из «Горя от ума» (действ. 1, явл. 7).

лах были поколебать моих в том убеждений. Спор, доходивший подчас до неистовых возгласов и стукотни кулаком по столу, кончился далеко за полночь, уже во время ужина; кончили тем, что я дал слово хозяину от-правиться с ним на всю осень в отъезжее⁸ и присутствовать там в каче-стве наблюдателя.

Срок для съезда в условленном месте был не за горами, а потому, до-ждавшись назначенного дня и уложив свой дорожный скарб в тележку, я тронулся в путь.

До места первого ночлега нашего, под открытым небом, следовало про-ехать верст тридцать. Времени в запасе у меня было много, а потому, не рискуя опоздать, я завернул по пути к одному из помещиков на чашку чая, и вместо того, чтоб пробыть у него, как намеревался, не больше часа, воле-ю-неволею я должен был разыграть пульку⁹ и досидел до десяти часов ве-чера. Взглянув на часы, я заторопился и, не внимая никаким убеждениям, решился ехать. Мы рас прощались.

Два человека, держа каждый по свечке в руке, открывали мне путь по крутой и высокой лестнице; добравшись кое-как до последней ступеньки, я неволей ахнул: отворенная настежь дверь нарисовала моему, вдруг при-тупевшему, зрению картину самого темного, мокрого и холодного погреба. На вершок от носа, кроме мрака, пахнувшего мне в лицо чем-то непривет-ливым, ничего не было видно. Одну свечу задуло тотчас. Наконец, посред-ством другой, выставленной напоказ ветру, в вытаращенных глазах моих мелькнуло на мгновение пол-обода переднего колеса и половина хвоста левой пристяжной. Остальное пожирал мрак.

— Игнатка, ты тут? — спросил я, двинувшись шаг вперед и махая рука-ми по воздуху.

— Здесь! — отвечал Игнатка, и по звуку этого длинного и сухого «здесь» я тотчас смекнул, что лицо Игнатки было живая копия с темноты и погоды.

— Как же? Десять верст — не близко. Как мы доедем?

— Авось... выедем — аглядимся...

Я отыскал ощущью кузов тележки; большая капля дождя упала мне на нос; пристяжная встременулась и загремела бляхами; свечка погасла. Я сел.

Выехав со двора, нужно было повернуть тотчас направо и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному с одной стороны садовым тыном, а с другой — отвесною водомоиной, которая, расширяясь постепенно, спу-скалась вместе с этим узким проездом к плотине, пересекавшей большой пруд. Эта дорога и днем, как то известно и памятно было всем и каждому, считалась не из лучших. Дело вначале пошло у нас очень степенно, хотя по

⁸ Отъезжее — отъезжее поле — псовая охота с отъездом в какие-нибудь охотничьи места.

⁹ Пулька — партия игры в преферанс.

частому трясению головы коренного битюга я нехотя уразумел, что он, видимо, терял охоту к солидному отправлению своей должности.

Наконец он заблагорассудил пуститься рысцой: схватясь обеими руками за грядки тележки, я не успел еще порядочно одуматься, как одна из пристяжных вдруг скрылась из глаз; раздалось громогласное: «Тпrrpy!» Пара остановилась. Игнатка, кряхтя, охая и причитывая что-то, полез с козел. По поверке оказалось, что она попала в яму, из которой мужики роют глину. Употребя около получаса на устройство оборванного валька¹⁰ и упряжи, мы, наконец, благополучно очутились на другом плотине.

— Не вернуться ли, Игнатка? Судя по началу, нам не скоро добраться до места!

— Авось, теперь как-нибудь... Штоп им тут, окаянные... дуй вас горой!... Середь езду глину роют... И барин-то у них согрешил грешный... Право, ну! Эхма!... Доехать бы...

Все это причитывание сопровождалось приличным количеством эхов, вздохов и покрякваний, пока Игнатка усаживался и подбирал вожжи; наконец послышалось одно из невыразимых междометий и последующее затем: «Э-з-богом!», и лошади побежали рысью.

Прыть эта, однако же, продолжалась недолго; по судорожному встряхиванию и нисколько не уладительной качке экипажа неминуемо следовало прилепиться к довольно основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дороге; после изрядного толчка следовало неизбежное: «Тпrry!» и немедленное отправление Игнатки для отыскания более эластичного пути.

Оставшись один, я от безделья начал приспособлять свое тупое зрение к сказанному Игнаткой «аглядимси». Успех был так велик, что я увидел дугу; лошади стушевывались с грунтом. Минут двадцать прошло в частых перекличках; из причитываний, какими они сопровождались я вывел заключение, что мы, «без сумления», обойдены лешим.

На горизонте мгновенно блеснула и погасла искорка огня и заронила в мою голову частицу светлого соображения.

«Если этот блеск из кабинета, — думал я, — то наш путь лежит налево; если же из передней, то следует круто повернуть назад».

— Барин, а барин! Мы не туда едем, — сказал Игнатка подойдя ко мне на голос.

— Верю, мой милый! И даже верю, что мы теперь вовсе никуда не едем, а преспокойно стоим на месте.

---

¹⁰ Валек — толстая палка у передка экипажа, к которой прикрепляются постремки пристяжной лошади.

— Как же быть-то?

На этот раз глагол «быть» терял свою вспомогательную силу.

— Надо найти дорогу и ехать по ней, — отвечал я после короткого раздумья.

— Вон там, влево, дорога есть, да, видно, не наша.

— Коли есть, так она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка вел коренную под уздцы; саженей двести продолжалась качка, наконец колеса покатились плавно; стало заметно, что мы переменили направление: мелкий, сыпучий дождик увлажнял мой правый бок. С помощью «аглядимси» я предался наслаждению созерцать Игнатку; в беспрерывном поклонении дороге, то направо, то налево, часа два времени протекло незаметно; лошади несколько раз порывались бежать рысью, но междометия Игнатки и вожжи мешали их усердию; наконец раздалось новое: «Тпrrрру!» — и коренная уперлась в межевой столб. По тщательном осмотре оказалось, что мы стоим на распутье трех дорог. Не желая получить вместо одного три вопроса вдруг, я обратился первый к Игнатке.

— Как думаешь, где мы?

— Иде это мы? Атцы мои!... Ах, дуй те горой!... Куда ж теперь? — было ответом.

Вскоре Игнатка снова затянул: «Э-з-бо-гом!» — и лошади пустились трусцой по неизвестному всем нам пути.

Дождик начал переставать: я накрыл голову мокрым воротником шинели, решаясь ни о чем не думать, но час времени прошел по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, спой что-нибудь! Ты-таки мастер.

— Эх, сударь, грех-то какой! И где водится, чтоб еftакие разы кто стал песни петь. Ну, неравен случай, как с дядей Никифором... Ну, как не привести... да вот... с нами крестная сила!... — Игнатка поспешно начал крестииться.

Впереди нас, казалось невдалеке, вдруг заблистало несколько отдельных огоньков, все они как будто были в движении, некоторые из них светились очень ярко и отбрасывали искры, другие были слабее, но перед ними двигались какие-то неявственные фигуры и тени. Полагая, что эта перестановка происходила от движения нашего экипажа, я велел остановиться, но сумятица все-таки продолжалась, всего же страннее было видеть то, как один из этих огоньков вдруг исчезал, и на месте его появлялся другой, гораздо ярче и пламенее, и вслед за тем снова начиналось передвижение.

— Э-ва! Расплясались! Что ж, сударь, куда теперь ехать прикажете?

— Ступай прямо на освещение.

Вместо должного исполнения Игнатка обернулся и посмотрел мне в глаза.

— Говорят тебе: ступай!

— Барин, а барин! Неужто вы занапрасно хотите душу губить?

— Дурак, где есть огонь, там, наверное, если не тепло, то сухо. Пошел прямо!

Вздохнув глубоко, Игнатка повиновался. Несмотря на близость освещения, мы ехали очень долго, то спускаясь в лощины, то поднимаясь на бугры, по мере приближения нашего к этому освещению, оно слабело и погасало; не желая потерять из вида и последнего из этих светочей, я велел свернуть с дороги и ехать прямо; после мучительного переезда по пашне мы выбрались на луговину и очутились у опушки леса. Пропутав довольно долго между порубей и кочек, мы снова попали на дорогу, которая повела нас вдоль опушки. Рассчитывая по месту и времени, я был вполне уверен, что мы находились вблизи виденного нами огня: в воздухе был слышен запах дыма и копоти, и сквозь густую кущу дерев блеснула синеватая искорка угасавшего огня; но в ту минуту, как я намеревался остановиться для освидетельствования этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. В одно мгновение послышался звон железа, шум, треск, лай и рев огромной стаи псов, и вместе с тем вся эта орава, казалось, со всею кущею берез, дубов и осин, рушилась прямо на нас.

Более я ничего не взвидел, потому что в это время раздался неистовый крик Игнатки, и лошади во всю прыть помчали нас снова на кочковатый луг. Уцепившись крепко за тележку, я несся как стрела; кувыркаясь со стороны на сторону, бросая вожжи и закрыв лицо руками, Игнатка при каждом толчке прыгал передо мною, как эластический мяч. Раздался один из самых сокрушительных ударов о пень, тележка крякнула, Игнатка прыгнул выше обычновенного, и в то же мгновение вместо него заплясала перед мною дуга. Склонившись набок, я промчался еще несколько саженей вперед. Наконец последовал отчаянный скачок вниз, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, блеснуло, я щелкнул зубами и очутился верхом на пристяжной. «Аглядемши», я увидел вверху целую стаю собак: все они, казалось, не решались приблизиться ко мне по причине крутого спуска. Вскоре послышалось хлопанье арапников, и какие-то сиповатые голоса кричали: «Атрыш¹¹! К нему! В стаю!» Вслед за тем между собаками появились две длинноватые тени, вроде человеческих.

По пересылке изрядного количества вопросных пунктов, сверху вниз и снизу вверх, две тени тотчас превратились в Сергея и Ваську, двух смиренных выжлятников¹² графа Атукаева.

¹¹ *Атрыш!* — отступись, отойди прочь! — окрик на борзых при отборании у них добычи.

¹² Помощники ловчего.

Вскоре я вышел на сушу и с помощью выжлятников и прибывших на голос их двух псарей прежде всего пустился в розыски. Все оклики и призывы наши оставались без ответа. Вскоре, однако же, мы увидели среди луга четырех гончих, которые что-то обнюхивали. Мы пошли туда. Поместясь между двух мягких кочек, Игнатка лежал вверх носом и смотрел испупленными глазами. Только мой голос способен был вызвать его из этой немой созерцательности. Сложа все доказательства воедино, мы наконец привели его в чувство, но убеждение в том, что мы были обойдены лешим, он дал себе клятвенное обещание «сохранить по конец гроба жизни» и отправился вытаскивать лошадей из тины.

Между тем огни запылали снова; я подошел к одному из костров и вынул из кармана часы; стрелка показывала три. После часов глазам моим предстали три огромные фуры¹³, такой емкости и величины, что каждая из них способна была поглотить самую многочисленную семью правоверного Кутуфты¹⁴.

Одна из этих громад была на рессорах, длиннее прочих, и по множеству круглых окошек, прорезанных в обоих боках кузова, являла собою собачью колесницу. Кроме великанов экипажной породы, под сенью их стояли дрожки и другие крытые экипажи и, сверх того, смиренные русские телеги, вокруг которых, пятками и десятками стояло около шестидесяти лошадей.

Обрамленная с обеих сторон двумя отрогами леса, площадка вдавалась мысом в непроницаемую кущу ельника, под сенью которого белели две палатки, а подле них несколько шалашей, наскоро устроенных из ветвей, соломы, попон и войлоков.

Одно из пепелищ было обставлено треножниками, кастрюлями, котликами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями¹⁵; кроме того, в разных местах было постлано множество соломы, на которой покоились борзы, или туго свернувшись крендельком, или на всем боку, нежно потягиваясь и выпрямляя усталые ноги.

Я раскурил сигару и занялся рассматриванием подробностей этой картины. Псари и конюхи пробуждались поочередно и, выползая то из среды борзых, то из чаши, немедленно приступали к исполнению должностей; лошади начали потихоньку ржать и постукивать копытами, храбро поглядывая на приступивших с торбами к одной из фур для насыпки овса; то вдруг которая-нибудь из собак вскакивала, садилась на четвереньки, гор-

¹³ Фура — большая крытая телега.

¹⁴ Кутуфта — библейский персонаж.

¹⁵ Кухмистерские принадлежности — здесь: кухонные и столовые принадлежности.